

Александр Телёсов

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т31

Издание подготовлено при участии
литературного агентства «Флоберיום»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Дизайн обложки *Виктории Давлетбаевой*

Телёсов, Александр.

Т31 Пока её не замечали : [роман] / Александр Телёсов. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Доля женщины).

ISBN 978-5-17-187276-2

Он — наследник многомиллионного бизнеса, один из самых завидных холостяков Москвы. Она — дочь дальнбойщика и поварихи, обычная девушка из метро, лицо которой никто не может вспомнить. Он учился в лучших европейских университетах. Она окончила ПТУ. Между ними — пропасть.

Но однажды их пути пересекутся — и привычные миры обоих рухнут. Чтобы выжить, и ей, и ему придётся держаться друг за друга. И в этом трогательном, но опасном партнёрстве им откроется истина: счастлив не тот, кто успешен, а тот, кто...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-187276-2

© Телёсов А., 2026
© ООО «Издательство «АСТ», 2026

ГЛАСЫ 1

Я категорически не любила свое имя. Каждый раз при знакомстве я внутренне напрягалась, прежде чем произнести его. Чуть проще было, когда дело касалось чего-то формального, например, когда требовалось назвать себя в больнице или в банке. Имя всегда было источником дискомфорта, проблемной зоной, комплексом. А зовут меня Фаина. Кто-то скажет, что ничего в этом необычного нет. Имя как имя. Редкое, да, но не экзотическое. Однако на практике совсем не так. Каждый раз, когда я представляюсь человеку при знакомстве, в девяносто пяти процентах случаев происходит одно и то же: у нового знакомого поднимаются брови (мол, «*м-м-м, Фаи-и-ина*»), далее следует легкая улыбка (мол, «надо же, какая неожиданность»), а затем — список типичных фраз по типу «какое редкое для наших дней имя». Люди постарше всегда интересуются: «Вас называли в честь Раневской?» И самое нелюбимое: «А если коротко, то как?» Никак, хочется ответить в такие минуты. Потому что хуже, чем Фаина, может быть только Фая. И да, я одна из тех, кто строго-настрого запрещает называть меня сокращенным именем. И родственники, и однокласс-

ники, и учителя в школе знали, что я — Фаина, и точка. Я, конечно, не кидалась с кулаками на человека, посмеявшего назвать меня укороченной версией ненавистного имени, но в душе начинала его не любить или даже ненавидеть, если это повторялось. Хотите стать моим злейшим врагом, произнесите имя Фая трижды.

Я завидовала Катям, Машам, Олям за то, что их имена такие распространенные. Когда они знакомились, ни у кого лицо не менялось, информация об имени поступала человеку, не вызывая никакой реакции. Как же это удобно, как это прекрасно! Как здорово произнести имя, а человек и глазом не моргнет. Конечно, не всегда люди пускались в разговоры со мной, услышав мое имя, но реакция на него была всегда: пусть мимолетная, пусть короткий миг изумления, но он присутствовал.

Автор моего имени — папа. Я не была названа в честь его бабушки (тогда бы Фаину в свидетельстве о рождении еще как-то можно было оправдать), в честь его первой любви, имя которой он решил вот так изошренно увековечить, и даже в честь Раневской — я уверена, папа до сих пор не знает, кто это такая. Меня назвали в честь отеля. После армии отец работал дальнобойщиком и в начале девяностых часто ездил по стране. Но однажды его занесло в Польшу, и там, на границе с Беларусью, была гостиница, в которой он ночевал всего одну ночь. И отель, в котором он остановился, назывался «Фаина».

— И тогда-то я понял, как назову дочурку!

Это был конец истории происхождения моего имени, который отец рассказывал на всех семейных застольях. Я в эти минуты смотрела на маму: думала, вдруг она в какой-то момент скажет, что она на самом деле не хотела меня так называть, что долго сопротивлялась, что вообще-то мечтала, чтобы я была Светой или хотя бы Аллой. Но она радостно кивала параллельно с рассказом отца, тем самым подтверждая, что имя было выбрано родителями единогласно. Споров не возникло. Я на каждом своем дне рождения не сводила с нее глаз в надежде, что она прочитает в моем взгляде боль и отчаяние, которые доставляет это имя. Но мама в ответ только улыбалась, наклонив голову, как все любящие мамы, которые смотрят на своих детей.

— Фаюш, — говорила она, — ну ты чего такая задумчивая, случилось что?

Конечно, мама. Ты только что назвала меня Фаюшей, а в остальном все прекрасно.

— Не Фаюша, — перебивал ее отец, — Фаина! Именно так назывался тот отель.

И только из-за любви к отцу я все еще не поменяла имя. В переходном возрасте, когда я, как и все подростки, летала на эмоциональных качелях туда-сюда, я думала сменить ненавистное имя. Но, во-первых, никак не могла определиться, кем хочу быть, если не Фаиной, а во-вторых, я так любила отца, что боялась его ранить в самое сердце своим решением переименоваться. И мое имя, и его происхождение были его любимой историей, и вдруг я бы это обесценила. Отец, у кото-

рого в жизни, кроме той поездки в Польшу, больше ничего выдающегося не случилось, такого бы не пережил. Вот я и остаюсь Фаиной уже тридцать два года. И, кстати, все это время выбираю альтернативное имя. Может, в старости, когда моего отца не станет, я все же поменяю документы и стану Наташей, Анастасией или Еленой.

— Девушка, так как, говорите, вас зовут?

Я стояла в подъезде около каморки консьержки. Пожилая женщина, грузная, неухоженная, со сморщенным лицом, сползающим под горловину водолазки, посмотрела на меня сурово.

— Меня зовут Фаина, — представилась я.

Консьержка поджала губы и хмыкнула. Типичная реакция на имя.

— Значит, вы теперь жилища семьдесят пятой квартиры... — Женщина стала писать в тетрадке мое имя. — Ну, а фамилия ваша какая?

— Пегова.

— Пе-го-ва... — Написала в тетрадке консьержка. — Стало быть, не Раневская, — пробубнила она.

— Ну, в общем, приятно с вами познакомиться, я Жанна, — представилась она, хотя мне послышалась Жаба. — Ежемесячно вам надо будет сдавать мне или Верке... Верка — это моя сменщица, — пояснила она, — семьсот пятьдесят рублей. Это за нашу работу. Платить надо первого числа каждого месяца. Вам, как вновь въехавшей, предлагаю сейчас не платить. А вот через неделю, когда наступит первое апреля, ждем вас с конвертиком.

В глубине каморки консержки послышался звук закипания воды, а затем щелчок, сообщивший мне, что разговор окончен и Жанне надо пить чай или кофе. Она медленно встала.

— Доброе утро, Жанночка, — раздалось за моей спиной.

Я оглянулась, у лифта стояли две пенсионерки очень своеобразного вида. Та, что пониже и помладше, была в ярко-зеленом плаще и каком-то странном головном уборе нечто среднее между шляпой и шапкой, только грубой конструкции, словно сделано это было из папье-маше. Та, что повыше и постарше, выглядела совсем странно. Поверх грязного, измазанного чем-то липким длинного пуховика, на ней была каракулевая жилетка, на голове обычная вязаная шапка, но сбоку — большая, переливающаяся всеми цветами брошь. Пахло от женщин неприятно.

— Доброе утро, девочки, — поздоровалась Жанна, но продолжать разговор не стала. Вместо этого, не поднимая ног, громко шаркая тапками о пол, ушла в глубину каморки.

Двери лифта открылись, пенсионерки вошли внутрь, я зашла за ними следом. Лифт был большой, грузовой, мы стояли по разные стороны. Я нажала на цифру пятнадцать. Пенсионерки вжались в стену и смотрели на меня испуганно.

— Вам на какой этаж? — поинтересовалась я. Мой палец завис над кнопками, ожидая их ответа.

— Десятый, — громко сказала дама в шапке с брошью.

— Не разговаривай с ней, — одернула ее дама в шляпе из папье-маше. — Не видишь, она странная.

Я смотрела на женщин с удивлением. Они вели себя так, словно меня тут нет.

— Это, получается, новая жиличка квартиры номер семьдесят пять? — полушепотом поинтересовалась дама с брошью.

— Получается, так, — ответила вторая пенсионерка, бросив на меня короткий взгляд. — Захватчица, — это слово она произнесла шепотом.

Лифт медленно, со скрипом поднимался вверх, и я мечтала о том, чтобы он наконец-то дополз до десятого этажа и странные женщины вышли, оставив меня одну.

Кабина лифта наполнилась неприятным запахом чего-то гнилого и органического. Я покосилась на ту, что с брошью на голове. Измазанный пуховик подсказывал мне, что запах исходит от нее. Она поймала мой взгляд и вдруг спросила:

— Вы любите кошек?

— Не говори с ней, ты что! — Дама в зеленом дернула подругу за рукав.

Кошек я не любила, но почему-то подумала, что если сейчас скажу об этом, то навсегда испорчу отношения с этими женщинами, кем бы они ни были.

— Люблю... А вы?

— А мы... — заулыбалась спросившая, но договорить не успела: лифт остановился на десятом этаже, и двери открылись.

— Уходим, уходим, уходим, — затараторила дама в шляпе из папье-маше. — Сестра, не медли...

Значит, они сестры. Я бросила на них быстрый взгляд: они и правда были похожи, у обеих длинные носы и густые брови.

— Хорошего дня, — бросила я им вслед.

— И вам, и вам, — пробубнили дамы.

Та, что в вонючем пуховике, все же обернулась, и по радостному выражению лица я поняла, что ей не терпелось сообщить, нравятся ли ей кошки, хотя и без этого уже поняла, что нравятся.

— Еще увидимся, — сообщила она.

Двери закрылись, и лифт поехал на мой этаж. Запах от пассажирок был таким едким, что меня начало подташнивать.

Я вошла в квартиру и облегченно выдохнула. Мое новое жилище было, мягко говоря, своеобразным. Это была двухкомнатная квартира не больше пятидесяти квадратных метров, после перепланировки, в доме тысяча девятьсот семидесятых годов, но внутри она выглядела как картинная галерея, римские термы и спальня Людовика XIV одновременно. До недавних пор эта квартира принадлежала моему дальнему родственнику, о существовании которого я всегда знала, но при этом никогда его не видела. Виталий Семенович был родным братом мамино папы. Он в свое время единственный из всей семьи Козловых (это девичья фамилия матери), кто не пошел по пути рабочего, в отличие от братьев и сестер, а поступил во ВГИК, мечтая стать актером. Но оказалось, что актером Виталий был посредственным, и пусть институт он все же окончил, но ни одной

роли в кино или в театре так и не сыграл. Зато удачно устроился в министерство культуры: сначала был мелким чиновником, но постепенно дорос до должностей более ответственных. А когда развалился Советский Союз, мамин дядя стал организовывать гастролы разных театров за границы. Благодаря ему актеры и актрисы, которые после развала Союза вынуждены были таксовать и мыть подъезды, получили возможность выбираться за рубеж, чтобы иностранной публике показывать «Дядю Ваню», «Три сестры», «Ревизора» и прочую классику. Дело Виталия Семеновича процветало. В нулевые он оставил гастролы, потому что его сделали директором какого-то театра.

Мамин дядя никогда не приезжал к нам в гости, хотя мы жили всего в двух часах от Москвы. Мы его тоже не навещали. Подозреваю, потому что нас не звали. Я, признаться, иногда думала, что великий родственник — плод маминого воображения, что она его придумала, чтобы в ее скучной серой жизни появилась какая-то красочка. Но несколько лет назад на телеканале «Культура» мы случайно наткнулись на фильм про театр, в котором директорствовал наш родственник, и там даже было его интервью. Старый, лысый, в круглых очках, в бархатном фиолетовом пиджаке Виталий Семенович рассказывал, какой прекрасный у них театр и как он рад столько лет служить публике именно в нем. Мы застали лишь конец фильма, но мама успела обзвонить всех знакомых, чтобы срочно включили нужный телеканал и увидели ее родственника. Тот фильм словно был

доказательством того, что она не вралась все эти годы и великий Козлов, как она его называла, на самом деле существовал.

— Вот, Фаюш, смотри, какой у нас родственник, — говорила мама после того, как фильм закончился, — гордость! Надо нам к нему в гости съездить, ну или в театр попроситься. Уж, поди, да посадит нас куда-нибудь на галерку, а может, даже и в партер.

Мама тогда действительно позвонила в театр. Правда, энтузиазм ее куда-то подевался. Смущаясь, с большими паузами, она объяснила ответившей ей женщине, кто она такая. Ее соединили с приемной директора, а когда там сказали «алло», мама и вовсе начала заикаться, но все же в какой-то момент собралась и в конце концов робко попросила билеты на спектакль.

— Хочется дочку в Москву вывезти, пусть в театре побывает, — лепетала мама.

Секретарь тогда «зафиксировала информацию» и обещала все передать Виталию Семеновичу. Мама собой была страшно горда. Этим звонком она и мне, и папе словно бы доказала, что да, она племянница Козлова, да, того самого, которого мы час назад видели по телевизору. Никто из нас тогда, в том числе и мама, и не думал, что мы попадем в театр и что вообще Козлову про нас расскажут. Но к всеобщему удивлению, через неделю на мамин мобильный перезвонила девушка, которая представилась администратором театра и сообщила, что Виталий Семенович приглашает нас на премьеру спектакля, поставленного по письмам

Сергея Довлатова своему отцу, что премьера через неделю и что билеты в количестве трех штук будут ждать нас в кассе театра на имя моей мамы.

Я тогда училась на втором курсе в колледже сервиса и легкой промышленности и готовилась к экзаменам. Поездка в Москву была совершенно нехотана, но мама и слышать ничего не хотела. Эта неделя перед премьерой стала одним сплошным безумием. Мама беспрестанно рассказывала всем и каждому, кто и куда нас пригласил. Особенно она гордилась тем, что звонил «сам администратор театра». Мне кажется, что, если бы нам позвонил непосредственно Козлов, она была бы не так этому рада. Маму можно было понять: она работала в столовой всю жизнь, и приглашение в столичный театр было для нее действительно важным событием. Отец поначалу отнесся к этой идее спокойно, но где-то к среде, а спектакль, на премьеру которого нас позвали, должен был состояться в субботу, тоже начал нервничать. Родители спорили, в чем пойдут на премьеру. Мама на следующий же день после звонка из театра помчалась в торговый центр у железнодорожной станции и купила красивый брючный костюм бирюзового цвета и туфли на невысоком каблучке. Папа у меня был обычным среднестатистическим папой, и у него, как и у всех других подобных пап, был один парадно-выходной свитер — серый с ромбами. Но мама тут же его отвергла, и в том же торговом центре был куплен новый кардиган с тремя пуговицами, голубая рубашка, брюки и кроссовки. Мама настаивала

на туфлях, но после недолгих споров отец все же смог убедить маму, что кроссовки он потом носить будет, а вот туфли больше точно не наденет. Остальной его наряд тоже мало годился для повседневной жизни таксиста, которым работал отец, но зато был куплен по принципу «будет, что к дочке на выпускной надеть». Я решила пойти в пиджаке и юбке. Этот костюм я сшила себе на первом курсе. Я училась на закройщицу, и мне нравилось шить. У меня к этому, можно сказать, был талант: костюм получился простым, но элегантным и скрывал все недостатки моей фигуры. За день до премьеры мама покрасила волосы, а папа подстригся.

Начинался спектакль в семь вечера, мы вышли из дома в три. Электричка до Москвы ехала два часа, час мама заложила на то, чтобы добраться до театра, и еще час — чтобы полюбоваться, как будет собираться публика. Всю дорогу родители спорили, нужно ли покупать цветы Козлову. Отец возмущался и говорил, что мы и так много потратили на этот спектакль, мама пыталась доказать, что букет — это отличный способ сказать спасибо своему знаменитому в театральных кругах дяде. Вопрос разрешился на вокзале, когда мы увидели цены на цветы: с дешевыми идти неприлично, а на дорогие у нас не хватило денег. До театра мы добрались не за час, а за двадцать минут и долгое время ходили по улице мимо него. На фасаде здания красовалась афиша: *«Весточки отцу. Премьера. По мотивам писем Сергея Довлатова»*.

— Оль, нам бы узнать, кто такой этот Довлатов. — Отец перевел взгляд с афиши на мать.

— И правда. А то Козлов спросит, а нам и сказать нечего, — мама заволновалась.

Поскольку смартфонов тогда еще не было, и все ходили с кнопочными мобильными телефонами, то за информацией мы обратились к мамину бухгалтеру. Он, как и все мамыны коллеги, знал, куда мы поехали, и когда мама объяснила, зачем звонит, тут же зашел в интернет, чтобы ответить на все наши вопросы относительно таинственного Довлатова.

— Сергей Донатович Довлатов, российский писатель и журналист, — диктовал мамин коллега прокурренным голосом. А мы, склонившись над телефоном, слушали его по громкой связи. — Родился в Уфе, столице Башкирской АССР 3 сентября 1943 года.

— Значит, писатель, — мама поджала губы и посмотрела куда-то вдаль, словно разгадывала ребус, — ну да, понятно теперь... А что еще там пишут, Андрей Валерич?

— Значит, смотрите. В шестидесятых служил в армии в системе охраны исправительно-трудовых лагерей на севере Коми АССР.

— Это значит, зэков охранял, Фаюш, — шепотом пояснил мне отец.

— Андрей Валерич, а про письма отцу там что-то есть? — Мама посмотрела на часы приближался час премьеры, и нам уже надо было идти в кассы за оставленными билетами. Мы еще ближе придвинули наши головы к телефону и слушали, как Андрей Валерич тарабанит пальцами по клавиатуре.

— Вот, есть. Слушайте, — он откашлялся. — Находясь в армии, Довлатов писал письма отцу: в них он описывал быт советского солдата, а также посылал отцу свои стихи, — читал бухгалтер строчки из интернета. — Вы меня слышите?

— Да! — громко сказали мы.

— Так, а чего он отцу там писал-то ... — снова слышались звуки клавиатуры. — Вот, слушайте, — Андрей Валерич снова откашлялся. — Дорогой Донат, — далее связь испортилась, и голос маминого коллеги забурлил, словно кто-то был против того, что он читает чьи-то письма. — Если ты будешь посылать посылку к Новому году или вообще, то всунь туда зубную щетку. У меня вся она оплешивела, а здесь их нет, — вырвалось из динамика телефона. — А еще тут куча каких-то стихов. Читать?

— Нет, спасибо, Андрей Валерич, — сказала мама и нажала красную клавишу на телефоне.

Отец выпрямился и посмотрел на маму.

— Ну? — спросил папа.

— Что ну?

— Ну, поняла что-нибудь? Тебе с Козловым говорить, не нам ведь.

Мамин телефон начал играть мелодию из сериала «Бригада»: звонил Андрей Валерьевич.

— Алло, Андр В...л...р...в...ч, — мама проглотила имя-отчество бухгалтера, как делала всегда, когда нервничала. — Так, поняла, эмигрировал, запомнила, чемодан, ага, зона. Да. Нет, да, хорошо. Ком... чего? Ах да, поняла. Компромисс. Просто связь плохая. Нет,